

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«Романтическое настроение»

Даниэла Стил

Хочу «Оскар»!
Тайна ее прошлого
Наваждение
День Рождения
Прости меня за любовь
Отзвуки Эха
НеВозможно
Отныне и вовек
До конца времен
Свет в окне

Нора Робертс

Я выбираю тебя
Драгоценности солнца
Слезы луны
Сердце океана
Слухи об ангелах
Подсказка
для спящей красавицы
Отныне и навсегда
Черная роза
Луна над Каролиной

Сандра Браун

Дом, в котором нет тебя
Пламя страсти
Тайный брак
Дороже всех сокровиш
Свадебный венок
Жажда
Парк соблазнов
Буря в Эдеме
Метель в моем сердце

ОЛИВИЯ УЭДСЛИ

Заложница любви

Москва
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У97

Wadsley Olive

First love

© 1925 by Wadsley Olive

Перевод с английского языка *Ирины Гаврась*
Художественное оформление С. Ляха

Уэдсли, Оливия.

У97 Заложница любви / Оливия Уэдсли ; [пер. с англ. И.Е. Гаврась]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-82964-4

Светский повеса Шарль Кэртон привык пользоваться расположением дам, и связь с юной Сарой была для него очередной интрижкой. Он втянул девушку в свою любовную игру, а когда она явилась к нему домой и объявила о своем намерении остаться, жестоко посмеялся над ней. С тех пор прошло несколько лет. Увидев в гостиной роскошного особняка графиню Сару Дезанж, Шарль с трудом узнал в лучезарной красавице ту самую отважную девушку — и в его сердце вспыхнуло новое чувство...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гаврась И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82964-4

ГЛАВА 1

Когда б любовь была не в силе, —
Любовь рассудку вопреки, —
Кому б так ревностно служили
И юноши, и старики?
Когда б любовь не выдавала
Нам счастье с горем пополам,
Кто бросил бы рукой усталой
И жизнь, и смерть к ее ногам?

Ф. Е. Котс

— *В*есна! — воскликнула юная маркиза, облегченно вздохнув. — Весною всегда возникает странное смешанное чувство — ощущение счастья и несчастья в одно и то же время, страстное стремление к неведомому идеалу, который ускользает, как мимолетные мысли. Весной появляется стремление жить, как того требует сердце.

— И все, все это вот так сразу? Одновременно? — весело усмехнувшись, заметил ее муж. Их взгляды встретились на мгновение, и юная маркиза едва заметно покраснела, отвернувшись с выражением восхитительного смущения, которое, по-видимому, свойственно счастливым в браке женщинам.

Сара подметила этот взгляд и — как раз потому, что она заметила его, — испытала странное чувство отчужденности, словно была изгнанницей и праздник жизни в этом доме был не для нее. Желая отделаться от этого чувства или, в конце концов, опровергнуть его, она оглядела комнату с высоким

потолком, залитую светом серебристо-зеленого весеннего заката.

А гости смеялись и разговаривали, собираясь кучками между тонкими белыми колоннами, разделяющими комнату в стиле ампир от той части, которая была убрана в более современном вкусе, двигались лакеи, катившие перед собой маленькие серебряные тележки, нагруженные до нелепости крошечными сахарными печеньями, фруктами и ликерами. Все здесь, начиная от фриз и цветущих пунцовых тюльпанов, горшков с лилиями и сиренью, указывало на любовь к материальным удобствам и каким-то особенным образом производило впечатление необыкновенного спокойствия и изысканного уюта.

Восседая в кресле с высокой спинкой и небрежно опустив нежные руки на резные ручки, Сара принимала гостей, шутила, смеялась, прощалась с теми, кто уходил, и слушала их разговоры.

На мгновение она осталась одна; небольшой круг «придворных», окружавший ее, разошелся, чтобы дать место новопривывшим, и во время наступившей паузы слова ее юной подруги маркизы звучно отдались в ее душе.

А ведь и правда весна! Снаружи, в очаровательном, прекрасно распланированном садике, густо посаженные вместе цветущие гиацинты и гвоздики, перемешанные друг с другом, напоминали форму короны, а за ними виднелась стена бледной зелени, молодых и до такой степени нежных листьев, что они почти казались нереальными, хотя вскоре должны были совершенно покрыть собой ограду, служащую им защитой.

Маленькие листики дрожали от дуновения легкого вечернего ветерка. Шум Парижа ясно слышался на этом расстоянии, принося с собой и вызывая видения кипучей жизни, радости и веселья.

Сердце Сары страстно и с отчаянием повторяло ей: «Я знаю... я знаю...»

Она закрыла на мгновение глаза, точно испытывая физическую боль. В комнате по-прежнему ощущалось веяние и очарование весны. Она взглянула на своих гостей; все они собрались около Джона Мартина, который развлекался тем, что «читал» по ладоням и рассказывал всем желающим про их характеры и будущее, хотя на самом деле он не знал и даже не хотел знать ни того, ни другого.

Сара скользнула в глубокую амбразуру окна, и занавес скрыл ее от чужих взоров.

Мысленно она осуждала и в то же время извиняла и защищала себя. Избежать метаний было невозможно.

Со временем Сара смогла все-таки найти себе оправдание и вернуть некоторое спокойствие, чтобы притупить боль, порожденную тягостными мыслями. Ведь какую пользу могут принести женщине сожаления о невозвратном прошлом?

Но в данный момент прошлое мучительно напоминало ей о себе, то прошлое, которое было полито слезами, и скрывается в шепоте и тихом смехе, и веет ароматом юности и весны в сердцах каждого из нас.

Это прошлое могут напомнить нам звуки какого-нибудь незнакомого голоса, взгляд, брошенный на небо, которое бледнеет по мере того, как мы смотрим на него, отражение уличных фонарей на

мокром от дождя тротуаре и тысячи других незначащих, случайных и обыденных мелочей, которые связаны у нас с этим воспоминанием.

Слова маркизы и взгляд, которым обменялись двое влюбленных, заставили Сару восторженно, точно от удара, лишив ее защиты, упорно и с таким трудом воздвигнутой ею вокруг своей души.

Стоило хрупкой стреле коснуться неприступной крепости, как Сара снова, спустя три года, очутилась лицом к лицу с обманчивым счастьем, с днями, как ей казалось, уже давно забытыми. И эти дни с торжеством предстали перед ее уставшими глазами, окрашенные прежним сиянием, с прежней новизной блеснувшим в лучах весеннего солнца.

Чья-то рука прикоснулась к ее руке, и голос маркизы ласково спросил:

— Отчего вы так бледны и так печальны, дорогая? И зачем вы здесь, в этом укромном уголке, и одна?

Сара улыбнулась.

— Это вы виноваты, Габриэль. Я была счастлива до вашего прихода. Ваша пылкая речь в защиту весны и взгляд Адриена... Впрочем, конечно, виновата я сама — выставила себя впечатлительной душой. Вы же сказали правду. Весна пробуждает нас, заставляет большинство людей восторженно, призывает их к жизни и внушает им чудные мечты о том, какой могла бы быть эта жизнь...

Она вдруг остановилась.

— В конце концов, — сказала она весело, — все это не более чем причуды настроения.

— Да, но... — нерешительно начала маркиза, но в этот момент подошел ее муж, чтобы проститься.

Он спросил самым невинным образом и с улыбкой сострадания на своем смуглом, симпатичном лице:

— А как бедняга Коти, Сара? Не лучше ему?

В ту же минуту он понял, что сделал какой-то промах. Взглянув в глаза жены, он заметил пробежавшую тень и догадался, что переступил границу тайной области, существования которой не подозревал.

— Ему не хуже? — продолжал он спрашивать, тщетно стараясь загладить свою оплошность в глазах любимой супруги, взгляд которой выражал теперь сострадание.

Габриэль ласково потянула его за рукав.

— Нам надо идти, Адриен.

Он тотчас же нагнулся над рукой Сары, которая, улыбаясь, ответила ему:

— Благодарю вас. Нет, Коти нисколько не лучше.

Маркиза обняла Сару и поцеловала ее.

— Вы будете обедать у нас четвертого? Вы ведь обещали!

— Непременно.

Они вышли, а Сара вернулась к оставшимся гостям.

На лестнице маркиза остановилась и, повернувшись к мужу, проговорила сердито, сверкая своими голубыми глазами:

— Зачем всегда напоминать, всегда спрашивать об этом несчастном? И как раз в тот момент, когда Сара вспомнила прошлое! Как я сообразила?.. Ну да, я знаю! И думать о прошлом ей легче, чем думать о будущем. А ты все настаиваешь на будущем своим

допросом, стараясь подчеркнуть, что оно неотвратимо...

Адриен открыл рот, чтобы оправдаться, но бурный поток речей его супруги не дал ему вымолвить ни слова почти до самого их прихода домой.

— Как будто и так участь Сары недостаточно тяжела! — воскликнула она. — Хорош муж, который ничего собой не представляет и в то же время уничтожает всякую радость жизни для своей жены! Ведь он именно таков, этот бедняга! Попробуй представить себе, что должен чувствовать тот, кто связан с подобным субъектом. Нет, ты этого не можешь! У тебя не хватает воображения для этого, иначе ты бы, конечно, не стал говорить подобным образом...

— Но ведь я только из вежливости поинтересовался, как себя чувствует бедняга, — с отчаянием оправдывался Адриен.

— Да, но спрашивать как раз в такую минуту...

— Но ведь я не знал, что это была «такая» минута, Габриэль.

— А разве ты не заметил моего взгляда?

— Я видел. Но я не мог знать, что он означает...

— Следовательно, мои взгляды, мои желания не имеют больше никакого значения для тебя?..

У Адриена вырвалось негодование, однако быстро подавленное им. Он нагнулся, посмотрел в лицо жены, пальцем приподнял ее упрямый подбородок и, слегка улыбаясь, поцеловал ее.

Маркиза не смогла сдержать улыбки.

— Все равно, — прошептала она, — ты бы не хотел обладать таким мужем, как Коти Дезанж, не так ли?

Адриен не напрасно служил интересам своей страны в дипломатическом корпусе.

— Я не хотел бы обладать никем, кроме тебя, — сказал он решительно.

Доктор несколько поздно вошел в салон. Сара дружеским жестом приветствовала его и стала наливать ему чай.

Он уселся возле нее на низеньком диванчике и наблюдал за ней с особенным вниманием.

Доктор Лукан был представителем нового поколения врачей, обладающих смелостью и быстротой суждения. Если случай был интересен в научном отношении, то он готов был жертвовать своим покоем, своими личными удобствами, чтобы добиться благоприятного исхода. Но он относился снисходительно и даже любовно и к воображаемым болезням, однако брал за это такую мзду, которой мог впоследствии похвалиться.

Специальностью Лукана было изучение душевных болезней, и он достиг в этом отношении большой известности.

Он сам создал себя, и некоторая резкость обращения, которую он усвоил себе, была выражением, быть может бессознательным, того презрения, которое подчас бывает свойственно человеку, возвысившемуся собственными силами и ясно сознающему, что его противники, несмотря на все их социальные преимущества, стоят гораздо ниже его в умственном отношении, что отчасти уменьшило в его глазах значение его собственной победы.

Лукан был известен своей резкостью, которую считал деловой необходимостью в общении с боль-

шинством своих клиентов; и лишь для немногих он делал исключения.

Сара принадлежала к этим последним.

Он улыбнулся ей, и его грубое, но умное лицо казалось даже симпатичным в эту минуту.

— Ну что? — спросила она, подавая ему чашку.

— Нехорошо, — ответил он. — Я бы хотел, чтобы было лучше. Новое лечение не принесло пользы, и это огорчает меня.

— Оно не помогло нисколько?

— Абсолютно.

— Но оно не причинило страданий Коти? Ведь вы обещали мне, что оно не станет новым тяжелым испытанием. Скажите, не оттого вы выглядите теперь таким серьезным, что опасаетесь последствий?

Лукан покачал головой.

— Нет... говоря по чести, нет. Я разочарован, как вы видите. Это все.

Они оба с минуту молчали. В открытое окно донеслось пение птиц.

— Значит, теперь ничего уже больше нельзя предпринять? — тихо спросила Сара.

— Я так не думаю.

Он пристально взглянул на нее и неожиданно сказал:

— Я бы хотел, чтоб вы уехали отсюда совсем.

— Я не могу.

— Вы не хотите.

— Лучше говорить, что я не могу.

— Это одно и то же... Слушайте, графиня, я буду откровенен с вами. Ваш муж не знает, да и никогда не будет знать теперь, находитесь ли вы возле него или нет. Если даже вы будете держать его руку в

своей руке до самой смерти, то все же он не будет сознавать, что это была ваша рука. Какую же пользу принесет ваше присутствие?

Сара задумчиво вертела вокруг пальца великолепное сапфировое кольцо и затем, вдруг подняв глаза, прямо взглянула на Лукана.

— Даже вы, как ни велико ваше знание и ваша уверенность, не можете поручиться, что Коти абсолютно ничего не знает, не сознает, не чувствует ни малейших подробностей жизни и не будет никогда знать их. Или вы, может быть, поклянетесь в этом?

Она подождала ответа.

— Я готов был бы поклясться, если б думал, что это может убедить вас, — сказал Лукан. — Но я знаю, что вас это не убедит. Графиня, в нашей жизни ничего нет абсолютно верного, но одно может быть приблизительно верно, как всякий факт. Это следующее: что в той болезни, как болезнь вашего мужа, когда мозг поражен до такой степени, в нем уже не сохраняется никакой способности восприятия, никакой памяти и никакого понимания какого-либо действия.

— Но ведь эта способность может вернуться? — воскликнула Сара.

— Я никогда не отрицал чудес, — несколько презрительно ответил Лукан, нагнувшись, чтобы закурить папироску, и, когда зажженная спичка осветила лица обоих, он внезапно спросил:

— Зачем вы, женщина, обладающая таким темпераментом и молодостью, настаиваете на жертве, которую, как я полагаю, ваш собственный рассудок считает ненужной?

Сара взглянула на него.

— Ведь в жизни руководствуются не одним только рассудком, — сказала она.

— Хорошо. Но вы-то почему это делаете? — резко спросил он.

— Наверное, вы знаете, как и всякий другой, историю моей молодости и моего замужества с Коти?

— Конечно, я слушал то, что говорили, — несколько насмешливо ответил Лукан.

Сара улыбнулась, и в этой улыбке она снова стала очень молодой, веселой и трогательной.

— Это было любезно с вашей стороны. Разве истину не должен знать тот, кто готов ей верить? У вас есть время выслушать меня?

— Я всегда хотел выслушать вашу историю из первых уст, — заявил Лукан, — именно потому, что вы всегда интересовали меня.

Это была правда, хотя тут и могло быть небольшое преувеличение ввиду особых условий положения. Но, во всяком случае, Лукан обладал нормальным взглядом мужчины на красивую женщину, а графиня Дезанж была, без сомнения, очень красива.

Кроме того, она обладала той опасной привлекательностью, которую некоторые называют обаянием или шармом и которая трудно поддается определению, но которой обладают исключительные представительницы прекрасного пола. Это редкое качество неизменно влечет у них за собой как способность страдать, так и способность заставлять страдать других.

Женщины с холодным темпераментом также могут иногда обладать этой способностью, но их власть над своими поклонниками бывает непроч-

ной. Между тем женщина миловидная, с горячим темпераментом, может доставить блаженство или муки ада человеку, влюбленному в нее.

Лукан смотрел на графиню холодным взглядом. Белизна ее кожи, решил он, имела перламутровый оттенок, а синий цвет глаз получал слегка пурпуровую окраску, когда на них чуть-чуть опускались длинные темные ресницы.

Ее волосы напоминали своим блеском старинное полированное дерево с золотистым отливом, и Лукан, как знаток женщин, заметил и смог оценить работу превосходной горничной графини.

Как бы то ни было, но он находил Сару очаровательной и, конечно, желал услышать ее историю, как пожелал бы этого каждый мужчина, обладающий естественной долей любопытства, если бы красивая женщина захотела оказать ему такое доверие.

— Я почту за счастье, если вы захотите рассказать ее мне, — сказал он с совершенно несвойственной ему любезностью.

— Да, я хочу рассказать вам и объяснить все. Начну с того, что, как вам известно, я англичанка. Говорю вам это потому, что для вас, как француза, занимающегося анализом души, это может служить некоторым подспорьем. Итак, начнем с меня, англичанки. В девятнадцать лет я очутилась в таком мире, который живет только сегодняшним днем, потому что не может иметь достаточно сил для завтрашнего дня. Как это ни странно, но я вышла замуж за Коти вовсе не ради его денег. Если бы это было так, то я могла бы покинуть его теперь, взять любовника и жить так, как хочу, потому что я считала бы тогда, что выполнила свои обязательства перед ним. Но и